ИНТЕРВЬЮ 12.12.2018

«Эпоха взлета богачей»

Политика защиты прав человека не защищает от глобальной несправедливости. Беседа с историком Сэмюэлем Мойном.

10 декабря 1948 года в Париже Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Всеобщую декларацию прав человека. В чем заключается ее успех?

История прав человека и успехи в этой сфере за прошедшие 70 лет были подвержены сильным колебаниям в зависимости от каждого из отдельно взятых прав человека. Всеобщая декларация прежде всего свела воедино те гражданские права, которые играли главную роль еще во времена американской и французской революций XVIII века. Они и поныне составляют основу политики в сфере прав человека. То, что удалось сделать в 1948 году, – результат международного сотрудничества. Оно дало возможность заклеймить государства и режимы, нарушающие права человека, перед лицом международного сообщества. Впрочем, не хватает средств, чтобы воплотить эти права в жизнь. А некоторые из наиболее известных политических инструментов, в частности, гуманитарное вмешательство, почти всегда ведут к проигрышу.

На каком основании вы приходите к такому утверждению?

В случае с гуманитарными интервенциями лекарство оказывается хуже болезни. Возьмем свежий и в то же время наиболее очевидный случай: события в Ливии в 2011 году. Тогда речь шла о свержении режима Муаммара Каддафи, что в результате ввергло всю страну в хаос. Ливия превратилась в территорию, почти целиком лишенную правительства, в своеобразное пространство вне права. Здесь следует отдать должное Томасу Гоббсу: анархия хуже деспотизма.

Помимо этого, Ливия выполнила еще и своеобразную функцию трагического предостережения.

Вне всякого сомнения, Соединенные Штаты и Франция вышли далеко за рамки своей гуманитарной миссии в Ливии. Такие государства, как Россия, сделали из этого свои собственные выводы. Спустя несколько лет это повлекло за собой катастрофические последствия для населения Сирии: с тех пор исчезла возможность дальнейших вмешательств под предлогом защиты прав человека. Все перестали верить в возможность оценки интервенции в отрыве от глобальных претензий на власть.

Почему именно гуманитарные интервенции в такой степени обречены на неудачу?

В целом можно сказать: мы не имеем действенной стратегии, которая в средне- или долгосрочной перспективе позволила бы построить стабильное правительство после защиты гражданского населения от зверств беззаконного режима. К тому же история свидетельствует, что гуманитарные интервенции не предотвращают нарушения прав человека в будущем. Они попросту не служат достаточным предостережением для других форм правления, опирающихся на террор и насилие.

Но Соединенные Штаты и помимо Ливии часто используют международную борьбу за права человека в качестве предлога для утверждения своих экономических интересов во всем мире.

Ясно одно: Соединенные Штаты длительное время были убеждены в возможности экспорта прав человека. Но даже если это и сработало в отдельных странах, то никак не повлияло на распределение власти в системе глобального мироздания. А если посмотреть на экономические интересы США, то можно согласиться с мнением, что они в мировом масштабе придерживаются «неолиберальной» повестки дня.

Как можно оборвать эту спираль?

Мы не должны мириться со сложившимся статус-кво, необходимо обрести новую ориентацию и двигаться дальше. Проблема заключается в том, что вместе со взлетом темы прав человека на задний план отошли вопросы глобальной честности и порядочности. Поэтому нужно сказать правду: эпоха прав человека стала и эпохой победы богатых.

Как объяснить сосуществование победы прав человека и победы богачей?

Цифры свидетельствуют, что в большинстве государств

параллельно с появлением движений в защиту прав человека стремительно, почти скачкообразно возросло неравенство. Досадно, что активисты-правозащитники слишком часто сосредоточивали свое внимание на самом необходимом – жилье или пропитании. Но ни они, ни права человека не защищают от глубокой несправедливости в распределении благ.

В чем же заключается ваш конкретный упрек?

Я делаю различие между двумя идеальными вариантами распределения, следовать которым взяло на себя обязательство государство всеобщего благосостояния: улучшение положения бедных и идея перераспределения. Наша экономическая система породила огромную материальную несправедливость, против которой не вели непосредственной борьбы движения в защиту прав человека – более того, они научились жить с ней.

Не стала ли эпоха прав человека прежде всего эпохой победы меньшинств, ЛГБТ-сообществ, беженцев и коренного населения, а также людей с инвалидностью? Не упускаете ли вы из виду серьезные достижения?

Я бы выразился иначе: эпоха прав человека, как никогда прежде, выдвинула в центр внимания вопрос равенства людей, то есть равного отношения ко всем, независимо от их пола, расовой принадлежности, сексуальной ориентации, происхождения или инвалидности. Эти достижения следует и праздновать, и защищать. Но им сопутствовал и сопутствует огромный кризис, вызванный материальным неравенством. Мы должны по достоинству оценить и силу прав человека, и их порочность, состоящую в пренебрежении борьбой против неравенства.

Популисты во всем мире одерживают победу за победой. Насколько они черпают силы как раз из упомянутого пренебрежения проблемой экономического равенства?

Во времена декларации 1948 года идея прав человека представляла и классовые интересы, направленные на уменьшение экономического неравенства. Однако нынче «бренд» прав человека прежде всего ассоциируется с помощью отверженным и слабым. Но не они выбирают популистов, по крайней мере в либеральных демократических государствах. Напротив, за них голосуют члены застойного среднего класса или часть верхней прослойки. Поэтому в наших интересах выяснить, почему эпоха прав человека оказалась не в состоянии ни обуздать богачей, ни обеспечить представительство интересов среднего

класса в составе широкой коалиции сил.

Если речь пошла об историческом развитии прав человека, кто вообще в состоянии остановить крушение идеала экономического равенства?

Крушение этого идеала прежде всего связано с неудачами социалистических левых сил, поддержка которых существенно снизилась в 1960-е и 1970-е годы. Следовательно, произошло выхолащивание содержания социальных государств, а всеобщая справедливость, которой требовали страны Глобального Юга, исчезла с политической арены. В то время как права человека пережили время расцвета как новая привлекательная для всех идея, социализм производил впечатление пережитка времени. Тем самым истолкование экономического равенства уступило пальму первенства правам человека в публичном дискурсе. А после распада Советского Союза свободный рынок казался единственной альтернативой тоталитаризму. Быть левым с тех пор в лучшем случае означало требовать более гуманного капитализма.

И все же избрание президента Дональда Трампа, похоже, ознаменовало собой появление нового социалистического союза в Соединенных Штатах. Является ли избрание таких молодых политиков, как Александрия Окасио-Кортес или Рашида Тлейб, которые сами себя называют социалистами, правильным ответом на эти проблемы?

По крайней мере они вселяют надежду на это и являются олицетворением самой многообещающей тенденции, свидетелем которой мне до сих пор приходилось быть. Даже не выдвигая собственно никаких радикальных требований, они подвергают сомнению тот либертарианский консенсус, который существовал в Соединенных Штатах в течение долгого периода развития этой страны и особенно в течение последних 50 лет. Пока что их внимание сосредоточено на незавершенных проектах демократов, в частности введении системы всеобщего здравоохранения. Если эти новые левые придут к власти, перед ними встанет задача посмотреть на вещи шире и выдвинуть в центр внимания неизбежный вопрос глобального экономического неравенства.

Вопросы задавала Люси Кречмер и Мариус Мюльхаузен

Сэмюэл Мойн

Нью Хейвен

Сэмюэл Мойн (Samuel Moyn) – профессор права и истории Йельского университета, издатель Международного журнала по правам человека, гуманитаризму и развитию (Journals Humanity).